

Дарья Доцук

Невидимый папа

Дарья Доцук
Невидимый папа
Серия «Современная проза (Аквилегия-М)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6601522
Невидимый папа. Повесть: Аквилегия-М; Москва; 2015
ISBN 978-5-905730-96-2*

Аннотация

Женя никогда не видела родного отца и мечтает о встрече. Особенно с тех пор, как мама нашла себе этого нелепого Славку. И вдруг выясняется, что у Жени есть единокровный старший брат. Она забывает обо всём: об учёбе, увлечениях и даже о лучшей подруге. Она теперь сестра! Осталось связаться с папой, и тогда у Жени будет настоящая семья. Главное, чтобы мама ни о чём не узнала, а не то она быстро положит всем надеждам конец.
Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

1. Пятница	5
2. Прочерк	8
3. Папа	10
4. Филипп	13
5. Письмо	15
6. Встреча	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дарья Сергеевна Доцук

Невидимый папа

Повесть

Охраняется законом об авторском праве. Все права защищены. Полная или частичная перепечатка издания, включая размещение в сети Интернет, возможна только с письменного разрешения правообладателя.

© Доцук Д., 2015

© Издательство «Аквилегия-М», 2015

1. Пятница

Кое-где на школьном дворе ещё лежат островки серого затвердевшего снега, деревья лысые, а прохожие и не думают снимать зимние куртки. Зато много солнца, а солнце – это и есть весна. Настроение отличное: досидим английский – и выходные!

Мне не на шутку припекает локоть через окно. Как в том рассказе, который я читала в первом классе, – там мальчишка разводил костёр с помощью лупы и солнечного луча. Я тогда ужасно удивилась, что лупой можно что-нибудь поджечь. Хотела попробовать дома, но мама застучала. Сейчас я сама как под солнечной лупой – вот-вот рукав загорится, а ведь это новый свитер, да к тому же не мой, выпросила вчера у мамы – и с каким трудом!

Урок у нас на последнем, четвёртом, этаже. Тут жарче всего, потому что к солнцу ближе и деревья до окон не достают. Но я мужественно терплю: до свободы десять минут!

Хотя жара – это ещё ладно, куда труднее вытерпеть Риту Луговую с Леной Кураповой. Их Алёна Олеговна у доски домучивает. Мы отрабатываем диалоги. По-моему, диалоги гораздо интереснее грамматики, но для Луговой с Кураповой это великое страдание. Все уже побывали у доски, Рита с Леной – последние, только никак не могут убедительно и без ошибок изобразить собеседование на работе. Стоят красные, то ли от усердия, то ли от стыда, и даже с подсказками и подглядыванием в листочек ничего у них не выходит.

Алёна Олеговна поправляет их с тяжёлым вздохом, и я всерьёз начинаю беспокоиться, вовремя ли нас отпустят. Или так и будем сидеть, пока Луговая наконец не примет Курапову на работу? Погода ведь какая! За зиму я уже и забыла, как это, когда солнце светит.

Стены в классе тёплые. Всю зиму стояли то серые, то синие, замерзали. А тут вдруг ожили, развеселились. Небо такое голубое – ни облачка, только пушистый след от самолёта.

И уже пять минут до звонка. Хотя я отличница и школу вселенским злом не считаю, сидеть в такой день в классе даже мне невмоготу. До каникул полтора месяца, но кажется, что начнутся они уже через секундочку – вот какое хорошее настроение.

Рядом сидит Женька и тоже изнывает от жары. Занавесилась водопадом гладких чёрных волос и рисует. Она здорово рисует и к тому же математический гений. Смеётся, что это всё азиатские гены – папа у Женьки кореец, но она его никогда не видела. «Это у нас такая особенность, – говорит, – в математике шарить».

Вообще-то, я тоже Женька. Вот так смешно получилось. У нас и фамилии на одну букву: я – Касаткина, а Женька – Ким. И сидим мы за одной партой, и всё делаем вместе, и оценки у нас тоже одинаковые – все пятёрки. Учителя нас даже не различают: знают, что мы во всём друг с другом согласны. Мы для них как одно целое: «Поручите это Женям», «Жени обязательно поедут на экскурсию», «Жени отлично справились с заданием». Даже на собраниях про нас говорят одновременно, как про одну девочку.

Хотя нет, в одном мы всё-таки совершенные противоположности: Женька левша, а я правша, так что я всегда сижу справа, а она – слева, чтобы локтями друг другу не мешать. Вот и получается, что мне сегодня сильно локоть печёт.

Наконец раздаётся звонок. Больше всех рады Луговая с Кураповой. Алёна Олеговна качает головой, поджимает неодобрительно губы, но не задерживает. Наверное, ей и самой охота на улицу – на солнышке погреться.

Катя Мельник, главная над Кураповой и Луговой, выходит в коридор, и подружки, подхватив сумки, бегут за ней. Ну точно королева и фрейлины.

А вообще, сегодня уйма поводов для радости. Уроки кончились, впереди выходные! И Женька остаётся у меня с ночёвкой. Это у нас такая традиция: каждую пятницу мы ночуем друг у друга, по очереди, потому что врозь нам тяжело.

Перейти две улицы – и мой дом. А Женькин ещё через две. Мы стоим на переходе, ждём зелёного и наслаждаемся, как две ящерицы на камне.

– Вкусно пахнет, – говорит Женька и вдыхает полной грудью.

– Весной! – выдыхаю я.

Мы гуляем вокруг дома – дом у меня длинный, шесть подъездов, – и никак не войдём внутрь. Всякий раз решаем: «Ну последний кружок!» Мы уже чуть-чуть подмёрзли и проголодались, но боимся упустить хоть капельку первого весеннего солнца. До чего же оно приятное, аж чувствуешь, как щёки витамином D напитываются.

Как следует напिताв щёки за все те долгие зимние недели, мы идём домой ужинать. На холодильнике висит примагнитенная маленькой Эйфелевой башней записка от мамы: «В холодильнике борщ, в морозилке – котлеты. И овощи не забудьте! Приду где-то в 9».

Мам, ну какой борщ, какие котлеты в такой день? Что касается еды, мы с Женькой и тут любим одно и то же, так что я зря спрашиваю, будет ли она спагетти в томатном соусе.

Пока варится паста и вкусно побулькивает соус, Женька рьяно трёт сыр, а я наполняю морсом высокие бокалы и ставлю глубокие тарелки. Ещё нам понадобится базилик, для украшения. Он растёт у меня в горшке на подоконнике. Женька подарила. Базилик – мой единственный питомец, на остальных у нас с мамой аллергия. Но я всё равно иногда играю с Женькиным котом Юлей. Вообще-то, Юля – мальчик, Июль, потому что Женька как раз в июле подобрала его в подъезде.

Юля с виду беспородный, но ветеринар говорит, что его предки совершенно точно из норвежских лесных. Юля на них очень похож – такой же огромный, пушистый, в сине-серую полоску, глаза ярко-голубые, как сегодняшнее небо, и задумчивые, как у Лермонтова (я на литературе всё время его портрет на стене изучаю). Юля может целый день на подоконнике просидеть. Интересно, о чём он думает? По норвежскому лесу, наверное, скучает.

Наконец у нас всё готово, мы садимся ужинать и заодно обсуждаем наш книжный блог. Мы его уже три недели как запустили, а до этого очень долго готовились: я искала информацию и писала посты впрок, а Женька иллюстрировала. Даже логотип нарисовала – готичных близняшек в стиле Emily the Strange. Называется наш блог «Библиотека сестричек Кентервиль», в честь Кентревильского привидения, и пишем мы, разумеется, о сверхъестественном. Мы с Женькой такое просто обожаем и по пятницам, когда друг у друга ночуем, смотрим какой-нибудь ужастик, а потом полночи боимся. Здорово!

Женька показывает мне папку с рисунками: на английском успела закончить чёрно-белые картинки к посту «Эволюция книжных вампиров». Я в восторге и тут же их утверждаю.

Мама задерживается. Мы завариваем какао и устраиваемся в моей комнате смотреть «Других» с Николь Кидман. Говорят, один из лучших фильмов про призраков, а конец так вообще непредсказуемый. И к тому же про старинный особняк – ну всё, включаем!

В пол-одиннадцатого, когда фильм уже кончился, возвращается мама: щёки пылают, глаза переливаются, сама себе улыбается. Так я и знала: была на очередном свидании. Мне всё это ужасно не нравится, но я сердито молчу. Мама не терпит, когда ей указывают и когда её критикуют.

«Нечего мать критиковать!» – говорит. Как бы в шутку, но на самом деле всерьёз. Наверное, думает, что я ничего не понимаю, но как же меня раздражают эти её «быстрые свидания»! Она считает, что ей, занятой женщине, у которой ребёнок на руках (да-да, это она про меня), только так и можно с кем-нибудь познакомиться. Вот они с Леной с работы и ходят по всяким кафе, где устраиваются быстрые свидания – на каждого кандидата не больше пяти минут, чтобы со всеми успеть перезнакомиться, а народу там – толпы и очереди. Видно, сегодня кто-то маме понравился, раз она так задержалась.

– Привет, девчонки! Ну, как дела, что новенького?

На самом деле ей всё равно, это же ясно, наши дела интересуют её куда меньше, чем быстрые свидания. Но Женька, похоже, ничего этого не видит. Или притворяется. И рассказывает:

– Ой, тётъ Насть, сегодня так здорово было – тепло, солнечно! Мы гуляли, гуляли, потом спагетти ели, потом «Других» смотрели. С Николь Кидман, знаете? А хотите, я вам новые иллюстрации покажу?

Наивная Женька. Да маме лишь бы до кровати доползти.

Я говорю сквозь зубы:

– Потом, Жень, мама устала.

– Да, давайте лучше завтра, на свежую голову! – соглашается мама и ерошит светлые кудри – специально встала пораньше, чтобы для этих свиданий завиться и накрутиться.

Мы расходимся по комнатам. Меня всё это жутко раздражает. Сама не пойму почему. Мой папа уехал куда-то сто лет назад, когда я была совсем маленькая, и с тех пор мама постоянно ищет себе нового мужа, иногда почти находит, но что-нибудь срывается, и она снова отправляется на быстрые свидания.

Вот ещё что у нас с Женькой одинаково: прочерк в графе «отец». Раньше я об этом не думала, только изредка, а теперь всё чаще и чаще. Почему так? Особенно когда мама возвращается после свидания. В общем, сегодня я опять думаю о папе, и думаю вот что: хорошо бы его найти. Да, он уехал и ни разу не позвонил, но вдруг ему просто стыдно?

2. Прочерк

Мы с Женькой лежим на моей кровати и наблюдаем, как ползают по потолку вокруг лампы разноцветные пятна – белые, синие, оранжевые. На другой стороне улицы – большой рекламный экран, похожий на одноногий телевизор, который сутки напролёт показывает всякие ролики. Пятна на потолке как раз от него. Этот экран у меня что-то вроде ночника. Приглушённо шелестят по проспекту редкие машины. Уже поздно, но мы не спим.

– Неужели тебе совсем не интересно? – допытываюсь я.

По-моему, она лукавит, когда говорит, что ей всё равно, куда подевался её папа и почему. Про него нам почти ничего не известно: они с Женькиной мамой познакомились в институте, а потом он внезапно уехал, даже не дождался, пока Женька родится. У Женьки дома не принято о нём говорить, это вроде как неприлично, вот Женька и не спрашивает.

А я считаю, что это неправильно и несправедливо, когда человеку ничего не рассказывают о его родителе. Для меня это всё равно что чего-то не знать о самой себе. Ну как Женьке не интересно, от кого она произошла?

– От человекообразных приматов, – отвечает Женька на это.

– Некоторые своё генеалогическое древо до седьмого колена знают, а мы даже отцов никогда не видели.

– Ну и что? Бывает хуже. Некоторые с рождения круглые сироты.

Какое-то время мы молчим. Я слышу, как Женькино дыхание становится спокойнее и глубже, и немножко расталкиваю её локтем, чтобы не засыпала.

– И ты ни разу его не гуглила?

– М? – вздрагивает Женька. – А? Нет, не гуглила.

– Почему?

– Ну ты представь, сколько на свете Андреев Кимов, – зевает Женька. – Отчества мы не знаем. Что мне, каждому, кто подходит по возрасту, писать: «Здравствуйте, а вы, случайно, не мой папа?» А даже если попадётся мой, так он вряд ли признается. До сих пор что-то не проявлялся.

Это Женька вслед за бабушкой повторяет.

– Может, он тоже сидит и гадает, какая именно Женька Ким его дочка?

– Нет, – отрезает Женька. – Он бы позвонил, у нас номер с тех пор не поменялся. Я ему просто не нужна, вот и всё.

Женька говорит это бесцветным голосом, без злобы и обиды. Как я говорю, что у меня аллергия на животных. Когда я кому-нибудь об этом рассказываю, меня сразу начинают жалеть: «И у тебя никогда не было собаки? И даже хомячка с попугайчиком?» Не было. Я даже в зоопарке сразу чихать начинаю. И не то чтобы я ужасно горюю по этому поводу, просто это непреложный факт. Вот и Женька ведёт себя так, словно у неё нет папы из-за какой-нибудь аллергии. Но папа – это ведь не попугайчик, это совсем другое.

Когда у тебя прочерк в графе «отец», ты вроде как не такой, как надо, неправильный, ненормальный. Половинчатый. Зачем его ставят, этот прочерк? Чтобы подчеркнуть, что у тебя вместо папы – пустота?

– А если он всё-таки позвонит? Вот что ты сделаешь? Что ты ему скажешь?

– О-ой... – Женька терпеть не может такие вопросы. – Ну позвонит, тогда и подумаю. Но что-то я себе слабо такое представляю.

– А ты выключи математика и включи художника – сразу всё представится, – ворчу я. – Давай, что тут сложного? Вот берёшь ты трубку, а там твой папа: «Алло, это Женька? Женька, это я, твой папа!» Что ты скажешь? Ну давай, это как диалоги на английском.

– Э-э... гм-м... Я, наверное, трубку положу.

– Серьёзно? Молча положишь, и всё? – Мне этого совершенно не понять. Я-то жду такого звонка уже не первый год.

– Ну да. А что я ему скажу? Он же мне чужой человек. Скажу, что номером ошибся.

– Подожди, как это – чужой человек? – ужасаюсь я. – Он твой папа! Ты – это наполовину он.

– Ну да, – неуверенно соглашается Женька. – Мне передалась часть его генов, но...

– А если ему без тебя плохо и одиноко? Если он попал в беду – ослеп, например, или заболел, и о нём больше некому позаботиться, кроме тебя? Ты что же, его бросишь?

Женька хмыкает.

– Ну уж об этом ему надо было раньше подумать. Если он порядочный человек, ему станет стыдно навязываться дочери, которой он никакого внимания не уделял и которую ни дня не воспитывал.

– Это твои мама с бабушкой так говорят? – догадываюсь я.

Женька сначала мнётся, а потом отвечает уверенно:

– А что? Я и сама так считаю.

– Но это же твой папа, – повторяю я.

– Да никакой он мне не папа! Я его в глаза не видела!

– Всё равно папа, – настаиваю. – Хоть и невидимый.

Женька в курсе, что я могу спорить до рассвета. Иногда у нас такое случается. Так что она отворачивается и натягивает на глаза розовую маску для сна – Женька может уснуть только в кромешной тьме, а я без своего экрана-ночника ну никак не могу.

– Всё, я сплю, – предупреждает Женька.

Но понятно, что она не спит и можно ещё немного поговорить.

– А я бы с ним встретилась, если бы он позвонил. Я бы его тут же простила. И ни разу бы не упрекнула! Мало ли, какая тогда была ситуация. Может, ему обязательно нужно было уехать. Или они с мамой сильно ругались. Или...

– Угу, – невпопад мычит Женька.

Ясно: ещё минутка, и заснёт. Теперь её из этой дрёмы до утра не вытащить.

Я лежу и думаю про своего невидимого папу. Иногда кажется, что он существует только у меня в голове. Мама предпочитает делать вид, что отца у меня никогда не было. Такого отца принято ненавидеть и презирать, но откуда тогда это тёплое чувство, когда проговариваешь про себя слово «папа»?

3. Папа

Быстрые свидания, судя по всему, занятие ужасно утомительное – мама так устаёт, что спит потом до одиннадцати, а мы с Женькой сами соображаем себе завтрак. В итоге у нас чай и бутерброды с сыром.

– А тёте Насте хватит? – волнуется Женька.

Сыра и правда негусто, но я режу весь и раскладываю так, чтобы маме ничего не досталось.

– Она не будет, – говорю.

Всё равно у неё после этих свиданий аппетита нет. Выпьет кофе с молоком, вот и сыта.

Утро такое же солнечное и весеннее, как и вчера. Только настроение уже не то. Мы жуём бутерброды и прихлёбываем чай. Решаем, что, прежде чем Женька пойдёт домой, прогуляемся в парке, ещё немного зарядимся солнечной энергией.

С прогулки я возвращаюсь в унынии. Женька сегодня не задерживается: они с мамой везут Юлю к ветеринару. Жалко, что из-за аллергии я не могу поехать с ними, ужас до чего неохота сидеть дома.

После свиданий мама меня как будто не замечает. Она вся в себе. В кухне ещё держится аромат кофе, а мама уже в ванной – лежит в пене, читает журнал и делает всякие маски.

«У меня сегодня спа-процедуры» – так она говорит.

Пока она там плещется, я успеваю сделать домашку на понедельник и вторник, написать рецензию на «Коралину» Нила Геймана и прочитать несколько глав «Истории с кладбищем». Это я готовлю большой пост про жутковатые сказки Геймана.

– А Женя уже ушла? – заглядывает мама. Она в халате, на голове – тюрбан из розового полотенца.

– Угу. Они сегодня к ветеринару.

– А, понятно. А ты чего такая смурная?

– Я не смурная, – объясняю я, не отрываясь от книги.

Мама присаживается на край кровати и пытается пощекотать мне пятку. Я поджимаю ноги. Мне сейчас совершенно не до того, но маме, похоже, больше нечем заняться. И она начинает рассказывать про своего нового парня Славу.

Слава. Противное какое-то имя, скользкое. И, по-моему, слишком детское для взрослого человека. Вот как Никита. Сложно представить, что какого-нибудь взрослого и серьёзного дядечку зовут просто Никитой.

– С ним так интересно! Он вегетарианец, занимается йогой, несколько раз был в Индии и владеет службой доставки полезных продуктов, называется «Эвкалипт». Мы с девочками с работы пару раз оттуда заказывали. Представляешь, какое совпадение?

– Да уж, невероятно!

Мама показывает мне смазанную фотографию на телефоне. У Славы длинное, какое-то прямоугольное лицо, блондинистые вихры и глупая полуулыбка.

– Вот видишь, не зря сходила, – гордится мама. – Кстати, я ему про тебя много рассказывала, и он очень хочет с тобой познакомиться. Приглашает нас в своё любимое вегетарианское кафе на Патриарших.

– А он знает, что ты не вегетарианка? – уточняю.

– Это я пока не вегетарианка. Вообще-то, я уже давно подумываю отказаться от мяса, я же и так только рыбу и птицу ем, а мясо – о-очень редко, вот даже не вспомню, когда в последний раз.

– А борщ в холодильнике? – напоминаю я.

– Ну это же для вас с Женей! Я-то его не буду, – отмахивается мама.

– Понятно, – хмыкаю я.

Мама тот ещё хамелеон! На этих быстрых свиданиях ей кто только не попадает, и на каждого обязательно нужно произвести впечатление. Если она вдруг кому-то из «женихов» не приглянулась, то всю неделю ходит обиженная, словно ей нанесли страшное оскорбление. Некоторые мамы помешаны на диетах или, там, рукоделии, а моя – на том, чтобы всем вокруг нравиться. Вот и прикидывается: то она джаз любит, то футбол, то индийскую кухню, то современное искусство – лишь бы внимание обратили.

– Значит, ты у нас теперь вегетарианка, – вздыхаю я с укоризной.

– А что тут такого? Я же люблю овощи, и фасоль люблю, и тофу. Я, между прочим, человек, открытый к новым идеям и новому опыту. И вообще, хватит мать критиковать! Что ж такое!

– Ладно, только я в кафе не пойду.

– Почему?

– Потому что я не вегетарианка.

Мама смотрит на меня сердито. Я вижу, как у неё в глазах созревает недовольство.

– Очень зря, – сухо говорит она наконец и поднимается.

Я возвращаюсь к «Истории с кладбищем», где главного героя, сироту, вырастили привидения. Какая-никакая, а всё-таки семья.

Приходит время обеда, и я крадусь на кухню, чтобы что-нибудь перехватить, посмотрю по ситуации.

На плите греется борщ. От запаха у меня подводит живот. Стол уже накрыт. Только я хватаю кусок хлеба, как откуда ни возьмись появляется мама. Она переоделась, высушила волосы.

– Не кусочничай, давай сядем и поедим нормально.

Мы садимся есть нормально. Чтобы доказать мне, какая она теперь вегетарианка, мама демонстративно не кладёт себе мяса.

– Бульон-то всё равно мясной.

– Не всё сразу, – ничуть не смущается мама. – Рим тоже не за один день построили. Вот что ты постоянно меня критикуешь?

Я молча жую. Маму это раздражает. Не то, что я жую, а то, что молча. Она кладёт ложку и говорит:

– Слушай, Жень, ну прости, что мне одной тяжело. Иногда я уже с этим со всем не справляюсь. Мне же тоже хочется, чтобы меня кто-то пожалел, поддержал, понимаешь? Позаботился. Да вот хоть бы в кафе пригласил! Я же не виновата, что Востриков уехал.

Я продолжаю жевать. Это я уже много раз слышала. Востриков – это папа. Мама называет его только так, по фамилии. Из её уст это звучит как что-то гадкое и противное. Как «слизняк», например, или «кишечный грипп». Она даже немного морщится и кривит губы, когда произносит «Востриков».

Как только они развелись, мама тут же снова стала Касаткиной, и я заодно. Но я тогда ничего не решала, маленькая была. Иногда я примеряю на себя папину фамилию – Евгения Дмитриевна Вострикова, Женья Вострикова. Мне нравится! Весело звучит, задорно, шустро. Это вроде и я, и не я. Это какая-то другая Женья, новая, интересная. Она живёт в одном из параллельных миров, где видится с папой каждый день.

– Ну что ты опять молчишь? – расстраивается мама. – То говоришь-говоришь, то вдруг язык проглотишь...

Когда мама грустнеет, мне её вроде жалко, но я ничего не могу с собой поделать и всё равно говорю какую-нибудь колкость. Вот и сейчас тоже.

– Там все такие были, как этот Слава? Получше никого не нашлось?

Мама напрягается. Видимо, он ей очень понравился. Это плохо.

– Что значит «такие»?

– Ну такие, нелепые.

Мама качает головой и принимается за еду.

– Ну всё, остановись.

Но я только начала. Я ещё много чего могу сказать!

– А что такого? Он же правда нелепый! У него даже лицо странное! Он что, по-твоему, симпатичный?

– Да при чём тут симпатичный или нет?

– Вот папа действительно симпатичный.

– Ну и что? Господи боже! Да пусть хоть красавец писанный, мы-то ему не нужны!

Пусть только попробует сказать, что папа мне чужой. А Славка не чужой, что ли? Почему ей обязательно искать кого-то на папино место? Пусть лучше будет прочерк. Неужели мы без Славки ну никак не проживём?

– Вострикову мы не нужны, ему вообще никто не нужен, – повторяет она, чтобы я хорошенько это запомнила. – Ты зря его идеализируешь. Если бы ты знала...

– В том-то и дело, что я ничего не знаю! – срываюсь я. – Ты мне ничего не рассказываешь! Про какого-то Славку рассказываешь, а про родного отца – нет!

– Я не рассказываю, потому что не хочу говорить о нём плохо. А хорошего в нём не так много, как тебе кажется. Ну да, симпатичный... Весёлый, общительный, не дурак. Но совершенно безалаберный! Рассеянный, ненадёжный, страшный эгоист! У него всегда на первом месте друзья и развлечения, а семья – где-то там, в конце списка! Вот это ты хочешь послушать?

Я сажу насупившись и вожу ложкой в тарелке. Варёная капуста. Терпеть её не могу.

Мама продолжает:

– И слава богу, что он уехал! Намучились бы сейчас. Он и первую семью бросил, ты не думай. Да-да, у него до меня была жена. И сын, Филипп. Хорошенький такой мальчишка. Востриков его как-то раз приводил знакомиться, но первая жена узнала и устроила скандал. Больше Востриков с сыном не виделся. И, я тебе честно скажу, не то чтобы очень тосковал. Ну что ты так смотришь? Да, вот такой он, Востриков наш. И нечего удивляться.

Но я смотрю большими глазами не поэтому. Я потрясена другим: она сказала, у меня есть брат? Ведь получается, Филипп – мой старший брат! Мой. Старший. Брат.

4. Филипп

Полночи я изучаю страничку Филиппа – его оказалось совсем нетрудно найти, фамилия у него до сих пор папина. Красиво звучит – Филипп Востриков, как будто граф какой.

Я просматриваю все его фотографии, все видео, прослушиваю почти все песни и читаю «стену» за несколько прошлых лет. Но разве можно иначе, когда выясняется, что у тебя есть старший брат? Мне хочется знать о нём абсолютно всё.

Наутро я вскакиваю совершенно невыспавшаяся, умываюсь и без завтрака – сразу к Женьке. Мне не терпится ей рассказать.

Женькина бабушка угощает нас пышными сырниками с изюмом. Как же они тут вкусно живут, у Женьки! Я бы к ним с удовольствием переселилась. Хотя бы на каникулы.

После сырников мы запираемся у Женьки в комнате и я огорошиваю её новостью: у меня есть старший брат. Произношу это, а самой не верится. Как будто это не со мной происходит, а с кем-то из книжки, из фильма. Женька таращит на меня глаза – вот уж чего-чего, а такого она точно не ожидала.

Теперь мы уже вдвоём изучаем Филиппа. А на подоконнике тем временем, как всегда, сидит норвежский кот Юля. Глядит поверх домов: может быть, за ними норвежский лес? Я Юлю понимаю. Невозможно жить и не знать, кто твоя семья. И вдруг – брат. Кто он? Какой? Так хочется выяснить – до мурашек, до дрожи.

У Филиппа нет ни одной неудачной фотографии, на каждой он выходит поразительно хорошо, даже когда не позирует. Мне бы так. Удивительно, до чего мы похожи: у нас одинаковые ореховые глаза, и широкие брови, и тёмно-русые непослушные волосы, которые выются и не желают расчёсываться.

Филипп улыбается уголком рта – точь-в-точь как папа в молодости. Я храню в дневнике единственную папину фотографию, остальные мама куда-то спрятала, а то и вовсе порвала.

Мы листаем альбом за альбомом – вот Филипп с гитарой, вот он с друзьями играет в бильярд, а вот – в «Манчкин»; вот он в обнимку с какой-то очень симпатичной девушкой, невероятно похожей на мою любимую Анну-Софию Робб – ту, которая из «Уинн-Дикси», «Моста в Терабитию» и «Сёрфера души». Мы рассматриваем, как он заливается смехом, сидя на школьном подоконнике, как уплетает пиццу, как собирается прыгнуть с пирса в море, как жарит на даче в беседке шашлык, как возится с собакой и как ведёт по площадке баскетбольный мяч.

Я уже, похоже, люблю его, моего старшего брата. И как можно говорить, что мы не родные, если я чувствую, вот всем сердцем чувствую это родство?

– Ну? – спрашиваю я у Женьки.

– Симпатичный, – признаёт она, и меня охватывает небывалое чувство гордости и торжества: это она про моего брата, это мой брат – симпатичный!

Мы знаем о нём не много, но всякая крупица информации кажется мне важной и существенной. Итак, нам известно, что ему пятнадцать, день рождения у него первого августа, учится в школе 1627. И живёт, скорее всего, где-то поблизости. Мы выясняем, что эта школа от нас далековато, чуть ли не на другом конце города, но расстояние меня не смущает – я тут же прикидываю, что на метро это всего одиннадцать остановок и даже без пересадки.

Слушает он в основном рок и блюз, я такую музыку не люблю, но, с другой стороны, может, я в ней просто не разбираюсь? Зато он тоже любит страшное кино! У него «Сияние» в любимых фильмах и сериал «Ходячие мертвецы». Про зомби мне, вообще-то, не нравится, но «Сияние» – это же классика! И это только начало, у нас наверняка обнаружится ещё много общего – недаром ведь мы брат и сестра.

– То есть ты хочешь ему написать? – почему-то удивляется Женька.

– Ну да! Он же мой брат.

Как непривычно и здорово звучит: «мой брат»! Охота повторять и повторять – сердце так и танцует.

– А он об этом знает? Вы же никогда не виделись.

– Ну и что? Вот и увидимся.

Мне не нравится то, каким тоном Женька произносит это – как будто сомневается, что Филипп, мой собственный брат, захочет со мной познакомиться. Он, как и я, единственный ребёнок в семье, и я ни за что не поверю, что он никогда не мечтал о брате или сестре. Я вот мечтала, и теперь у меня есть брат. А у него – сестра. Разве он может просто взять и отвернуться?

Но Женька никак не хочет разделить моего восторга. Ей кажется неудобным и странным писать вот так, с бухты-барахты, незнакомому человеку. Так и говорит: «незнакомому»! Мол, ты его совсем не знаешь, я бы на твоём месте ничего писать не стала.

– Да почему нет?

Я никак не могу понять: что тут такого?

– Ну-у... – тянет Женька, – у него своя жизнь, свои дела... Вдруг он тебе не понравится? Или сам не захочет отвечать, и тогда ты расстроишься... Вдруг вы очень разные? У вас ведь такая разница в возрасте...

Разница! Всего два года. Я уже закипаю от злости – ищет какие-то глупые причины. У меня брат есть, а она – «странно, неудобно». Как нарочно хочет обидеть и помешать. Я её даже не узнаю.

– Почему ты не можешь просто за меня порадоваться? – спрашиваю я холодно и встаю.

– Жень, да я рада, только...

В дверях я на мгновение оборачиваюсь, чтобы сказать напоследок:

– Ну и что, что разница в возрасте? На то он и старший брат, чтобы старше быть! И, знаешь, я ему всё равно напишу!

Так мы и расстаёмся.

5. Письмо

Я всё прокручиваю в голове Женькины слова – «не захочет отвечать», «у него своя жизнь...» Зачем она всё это наговорила? Вот зачем? Я теперь сомневаюсь.

И ведь не пишет, не извиняется. Может, ей вообще не стыдно? А может, завидует? Или настроение плохое было? Ведь не может так случиться, чтобы Филипп не захотел, не ответил. Не может, и всё.

Мне охота избавиться от этих мыслей, вынуть их из головы и отложить куда-нибудь, потому что сейчас нужно сосредоточиться на другом – на письме брату. Я достаю дневник и записываю всё, что произошло у нас с Женькой. Мама говорит, что гнетущие мысли, которые некогда или не хочется сейчас обдумывать, можно оставить в дневнике на потом. Освободить в голове место для чего-нибудь хорошего и радостного. Она так всегда делает, с пятнадцати лет. У неё целая полка дневников. Они стоят толстые и набухшие, как намокшие книжки, на каждом корешке значится год. Я пробовала тайком читать, но у мамы почерк – это что-то. Как будто алхимик на латыни написал. А мне так интересно – ведь там, наверное, и про папу есть.

Когда маме грустно, она выбирает какой-нибудь дневник наугад и перечитывает с любого места. Конечно, она только делает вид, что наугад – чаще всего это что-то школьное или институтское. И ещё она любит год, когда я родилась. И хотя с папой они, по-моему, уже тогда не ладили, маме нравится зачитывать вслух отрывки про маленькую меня.

Когда наш с Женькой разговор перенесён в дневник, мне и правда становится легче, но не совсем легко, всё равно горьковато. Как будто Женька мне чужая – вот как она себя повела. Зачем она так?

В дневнике между страниц папина фотография. Я иногда, вот как сейчас, подолгу её рассматриваю. На ней папа студент. У него весёлые, озорные ореховые глаза. Счастливые.

Папа наверняка обрадуется, если узнает, что его дети познакомились, подружились, как и положено брату и сестре. Может быть, Филипп что-нибудь знает о папе?

Я открываю «сообщения» и приступаю. О Женьке подумать ещё успею, а сейчас – письмо. Сколько всего мне нужно ему сказать! Но, глядя, как посреди белой пустоты мигает курсор, я вдруг теряюсь: с чего же начать?

«Здравствуйте, Филипп. Извините за беспокойство, но мне нужно сообщить Вам кое-что очень важное. Вы, наверное, ужасно удивитесь, как удивилась я, когда узнала, что...»

Нет, слишком официально, надо как-то сразу по-дружески начать. Удаляю и пробую заново:

«Привет, Филипп. Можно на “ты”? Пишет тебе твоя сестра...»

Нет, пожалуй, писать «сестра» не совсем верно, нужно уточнить. Всё-таки сёстры бывают разные: родная – не то же самое, что двоюродная. А кто Филиппу я? Какая сестра? Я лезу искать, как это правильно называется – по-моему, сводная?

Нет, сводная – это с которой нет никакого родства, дочь мачехи или отчима от прежнего брака, а мы с Филиппом, оказывается, единокровные. Как хорошо, что не сводные! «Сводная сестра» звучит как «злая мачеха», а единокровные – красиво, значительно. Как из «Маугли»: «Мы с тобой одной крови».

«Здравствуй, Филипп, – начинаю я в третий раз. – Надеюсь, ты не очень обидишься, что я вот так сразу к тебе на “ты”. Дело в том, что вчера я узнала, что мы с тобой приходимся друг другу единокровными братом и сестрой. У

нас общий папа – Дмитрий Востриков. Я его дочь от второго брака. Меня зовут Женя.

Папу я совсем не помню. Я живу вдвоём с мамой, но мама о нём говорить не любит, а мне очень интересно. Может быть, ты что-нибудь знаешь? Вчера мама проболталась, что у меня есть старший брат, и я тут же решила тебе написать. Мне бы очень хотелось с тобой познакомиться. Надеюсь, ты будешь не против.

Женя».

Я перечитываю письмо, как контрольное сочинение – дважды: сначала по содержанию, а потом исправляю ошибки и опечатки. Только почему-то волнуюсь я гораздо сильнее, чем когда сдаю сочинение, так что на всякий случай решаю перечитать ещё разок.

Ну, вроде ничего. Мне вдруг приходит в голову, что Филипп может засомневаться в нашем родстве. Нужны какие-то доказательства, а то решит ещё, что я самозванка. На всякий случай я сканирую папину фотографию и прикладываю к сообщению. Всё, готово.

Однако я снова медлю, снова спрашиваю себя: «А вдруг и правда не ответит?» Но вот смотрю на папину фотографию и уговариваю себя, что ничего не потеряю, если отправлю это сообщение. Ещё вчера у меня не было брата, а теперь есть. Ну не ответит и не ответит. Всегда стоит попробовать. И я нажимаю «Отправить».

В ожидании ответа я пытаюсь чем-нибудь себя занять: немного читаю, листаю новости друзей, рисую на тетрадном листочке девушку в старинном платье, с длинными волнистыми волосами, но ни на чём не могу толком сосредоточиться. В конце концов я просто сижу и, как робот, каждую секунду обновляю входящие сообщения. Вдруг Филипп уже прочитал? Мне страшновато, что он не ответит до вечера – я же тогда ни за что не засну, так и просижу у экрана до утра. А может, он не ответит вовсе.

Я перечитываю своё письмо – какое глупое и детское! «Мне бы очень хотелось с тобой познакомиться»! Надо было всё написать по-другому.

Так, ладно, вдох-выдох. В окно заглядывает рыжее закатное солнце, как бы поддерживая меня, обещая, что всё будет хорошо.

Где-то через полчаса наконец приходит ответ. Я одновременно счастлива и страшно напугана.

Открываю нерешительно сообщение и читаю медленно-медленно, чуть ли не по слогам – боюсь, что там будет совсем не то, что мне хочется прочитать.

«Привет, Женя! Вот это новости! Не каждый день получаешь такие сообщения. Сажу себе с другом в кафе, ем бургер, и тут – БАМ! Взрыв мозга! Ты не подумай, это я в хорошем смысле. Просто я такого вообще не ожидал. Мне мама про тебя никогда не рассказывала. Ну оно и понятно. Про папашу она тоже не особо распространяется. Но кое-что я из неё всё-таки вытянул, я настырный. Встретимся – расскажу. Ты территориально где? А вообще, это здорово, что ты написала.

Твой новоиспечённый брат».

Я вскакиваю со стула и хожу по комнате – от счастья и волнения мне хочется подпрыгнуть. Он ответил! Он рад! Удивлён, ошарашен, но всё-таки рад! Даже встретиться готов, и, более того, ему что-то известно о папе. Все Женькины слова, все мои страхи меркнут на фоне этого письма. Теперь у меня точно, совершенно точно есть старший брат.

6. Встреча

Я переминаюсь с ноги на ногу возле школьных ворот. Жду. Позади бесятся на площадке четвероклашки, в «вышибалы» играют. Верещат, как воробьи, которые мельтешат и чирикают в большом, голом ещё сиреневом кусте. Их там штук сто, наверное. И уж как они кричат, но наши четвероклашки всё равно громче.

Погода уже совсем сухая, весенняя. Ветерок – и тот потеплел, вот они и повыскакивали – четвероклашки и воробьи.

Снег почти сошёл, земля покрыта прошлогодней травой, скоро набухнут почки, проклюнется первая зелень. И так приятно дышать солнцем. Солнцем и тёплым ветерком. Скорей бы каникулы!

Школа стоит на маленькой неприметной улице, всё равно что в переулке или тупике. Тут почти никто не ходит, даже машины проезжают редко. Я переживаю, что Филипп не найдёт. Мы договорились, что он встретит меня после школы и мы пойдём где-нибудь погуляем, выпьем кофе. Вообще-то, я кофе не пью. Мне нравится запах и само слово «кофе», но вкус – не очень, даже с молоком и сахаром. Но когда это предлагает он, мой старший брат, мне тут же нестерпимо хочется кофе. Я готова за один присест столько кофе выпить, сколько за всю жизнь не пила.

Внутри у меня всё трепещет, как подумаю, что вот-вот увижу брата. Сейчас, уже совсем скоро он покажется из-за угла, помашет мне: «Ну, здравствуй, сестра!» А может, «сестрёнка» или «сестричка». Я гадаю, как именно он меня назовёт. Я же впервые для кого-то сестра. Женья, сестра Филиппа. Звучит почти так же удивительно и необычно, как Женья Вострикова.

Жаль только, что Женька уже ушла, мне хотелось, чтобы она подождала со мной, я бы познакомила её с Филиппом. Но она сказала, что ей надо идти – бабушке по дому помочь. Обманывает, конечно. Я что, Женькину бабушку не знаю? Ни за что на свете она не попросит о помощи. Ей всё нравится делать самой: и квартиру убирать, и еду готовить, и гладить, и стирать, и на шкаф лазить, и даже потолки белить. Только гвозди не забивает и огурцы не солит – это дедушкино. И тут вдруг – помочь! Бабушка Женьку ничего делать не заставляет. Всегда говорит: «Ты, Женечка, главное, учись хорошо и рисуй, а уж условия мы тебе создадим». Слышала бы это моя мама. А то мне и учись, и готовь, и каждый день в комнате прибирай.

А я-то думала, что после сообщения от Филиппа мы с Женькой помиримся.

«Видишь, – сказала я ей. – А ты боялась!» – Словно Филипп – её брат и это ей пришлось понервничать, ответит он или нет. Но Женька не то что не обрадовалась, она как будто даже огорчилась:

«Ну здорово, расскажешь потом».

Прозвучало это уныло и кисло, как будто речь не о моём брате, а о какой-нибудь Лене Кураповой, честное слово.

В общем, я стою у ворот одна. Слушаю, как пищат четвероклашки. Хорошо, что они такие громкие – Филипп пойдёт на крики и сразу найдёт школу. Мне грустно оттого, что Женька меня бросила, и вместе с тем радостно, что увижу брата. Странно, как они оба во мне уживаются – весёлый Филипп и печальная Женька. Как будто льдина посреди весенней цветущей лужайки.

А вот и он! Идёт в чёрном пальто нараспашку. Сумка через плечо, на шее – большие наушники. Волосы вьются и закрывают уши. Он замечает меня, поднимает ладонь и улыбается уголком рта, как ожившая папина фотография. Мне такой улыбки почему-то не досталось, я умею только как клоун, во весь рот. Что я и делаю.

– Привет тебе, сестра! Так вот ты какая!

– Привет! А ты – вон аж какой!

Он высокий, на две головы выше меня, а ведь я и сама роста немаленького.

– А то! Сборная по баскету! Ну что, по кофейку? За знакомство нужно выпить! Я там возле метро «Шоколадницу» приметил, пойдём?

Мы смеёмся и идём в сторону метро. Я чувствую спиной чей-то пристальный взгляд и на мгновение оборачиваюсь. Ну конечно, знатная троица – Мельник-Луговая-Курапова, вечно за всеми шпионят в поисках сплетен. Застыли и следят шестью одинаково жирно накрашенными глазами. Лица у них обычно серые и брезгливые, как будто они учатся не с людьми, а с тараканами, а тут вдруг такой интерес. Разве что рты от удивления не разинули. Ну всё, теперь начнётся! Что это за парень у Жени? Кто такой? Откуда? Ну и пускай погадают-помучаются! Как-нибудь, может, и расскажу.

С Филиппом с первой же минуты так легко, что, кажется, мы знакомы с детства и выросли в одной семье. Но, с другой стороны, чему тут удивляться? Разве может быть иначе между родными людьми? Честно говоря, я немного переживала, что Филипп заскучает со мной и нам не о чем будет поговорить. И вот мы сядем и будем молчать, а потом разойдёмся и никогда больше не увидимся. Но всё идёт отлично!

Говорит в основном Филипп, рассказывает про баскетбол и друзей, а я улыбаюсь, мне приятно слышать его голос, немного хриплый, потому что ломается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.